
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АДАМА МИЦКЕВИЧА

Адам Мицкевич

ИЗ „КРЫМСКИХ СОНЕТОВ“

Перевод с польского В. Левика

АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Я выплыл на простор сухого океана.
Безбрежен зелени, цветов и трав разлив.
Качаясь, как ладья, возок плывет среди нив,
Скользит меж островов коралловых бурьяна.

Смеркается. Кругом ни тропки, ни кургана.
Жду путеводных звезд. Весь горизонт закрыв,
Алеют облака, — заря глядит в разрыв:
Зажегся на Днестре маяк близ Аккермана.

И все утихло. — Стой! — Я слышу, как скользнул
И притаился уж, как мотылек вспорхнул,
Как, недоступные глазам орла степного,

Курлычут журавли в померкшей вышине.
Так слух мой напряжен, что в этой тишине
Уловит зов с Литвы. Но в путь! Не слышу зова.

ПЛАВАНЬЕ

Гремит! Как чудища, снуют валы кругом.
Команда, по местам! Вот вахтенный промчался,
По лесенке взлетел, на реях закачался
И, как в сетях, повис гигантским пауком.

Шторм! Шторм! Корабль трещит. Он бешеным рывком
Метнулся, прынул вверх, сквозь пенный шквал прорвался,
Расшиб валы, нырнул, на крутизну взобрался,
За крылья ловит вихрь, таранит тучи лбом.

Я криком радостным приветствую движенье.
Косматым парусом взвилось воображенье.
О счастье! Дух летит вослед мечте моей!

И кораблю на грудь я падаю, и мнится,
Мою почуяв грудь, он полетел быстрее.
Я весел! Я могуч! Я волен! Я — как птица!

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

Пилигрим

Аллах ли твердь воздвиг из ледяных громад,
Иль трон из мерзлых туч поставил серафимам?
Иль четверть суши Див нагромоздил над Крымом,
Чтоб звездам путь пресечь с восхода на закат?

Какое зарево! Ужель горит Царьград?
Иль там, где сходит ночь и мгла клубится дымом,
Аллах, чтобы светить мирам неисчислимым,
Украсил небосвод ярчайшей из лампад?

Мирза

Там был я. — Там Зима сидит на льдистой круче.
Я лишь дохнул — и льдом покрылась борода.
Там клювы родников буравят наст колючий.

Там нет орлам пути, но я взошел туда
И пусто было там. Лишь проплывали тучи.
И подо мной был мир, а надо мной — звезда.
То Чатырдаг!

Пилигрим

А-а!!

БАХЧИСАРАЙ

Безлюден пышный дом, где грозный жил Гирей.
Трон славы, храм любви — дворы, ступени, входы,
Что подметали лбом паши в былые годы, —
Теперь гнездилище лишь саранчи да змей.

В чертоги вторгшийся сквозь окна галерей,
Захватывает плющ, карабкаясь на своды,
Творенья рук людских во имя прав природы.
Как Валтасаров перст, он чертит надпись: «Тлей!»

Не молкнет лишь фонтан в печальном запусенье —
Фонтан гаремных жен, свидетель лучших лет,
Он тихо слезы льет, оплакивая тленье:

О слава! Власть! Любовь! О торжество побед!
Вам суждены века, а мне — одно мгновенье.
Но длятся дни мои, а вас — пропал и след.

БАХЧИСАРАЙ НОЧЬЮ

Умолк в мечети гул. Расходится народ.
Изан уж не звучит, земля почует в мире.
К рубиновой заре в серебряной порфире
Царь ночи, как жених к возлюбленной, идет.

Гаремом звезд его зажегся небосвод.
Одно лишь облачко в лазоревом эфире,
Как лебедь белая среди зеркальной шири,
Каймою золотой повитое, плывет.

А на дорогу тень легла от кипариса.
Над кровлей — минарет. За ним — громады гор,
Черны, как дьяволы в судилище Эвлиса.

Внезапно молния, пугая робкий взор,
С вершины прынула и с быстротой фариса
Зигзагом рассекла лазурной тьмы простор.

ДОРОГА НАД ПРОПАСТЬЮ
В ЧУФУТ-КАЛЕ

Мирза

Молись! Поводья кинь! Смотри на лес, на тучи,
Но не в провал! Здесь конь разумней седока.
Он глазом крутизну измерил для прыжка
И стал, и пробует копытом склон сыпучий.

Вот прыгнул. Не гляди! Во тьму потянет с кручи!
Как древний Аль-Каир, тут бездна глубока
И рук не простирай — ведь не крыло рука,
И мысли трепетной не шли в тот мрак дремучий.

Как якорь, мысль твоя стремглав пойдет ко дну
Но дна не достигнет, и хаос довременный
Поглотит якорь твой и челн затащит вслед.

Пилигрим

А я глядел, мирза! Но лишь гробам шепну
Что различил мой взор сквозь трещину вселенной.
На языке живых и слов подобных нет.

АЛУШТА ДНЕМ

С горы упал туман, как сброшенный халат.
Шумит, намаз творя, пшеница золотая.
Кладет поклоны лес, порой с кудрей роняя,
Как с четок дорогих, рубин или гранат

В цветах земля. Цветы порхают и парят.
То выются бабочки, как радуга живая,
Алмазным пологом все небо закрывая.
И сушит стрекоза крылатый свой наряд.

Лишь там, где лысый кряж глубоко вдался в море
Отпрянет и на шторм идет опять волна,
Угрозу для земли тая в своем напоре.

Как тигра хищный глаз, мерцает глубина.
А дальше — гладь и блеск, и в голубом просторе
Играют лебеди близ мирного челна.

АЛУШТА НОЧЬЮ

Дохнуло свежестью. Дневной свершив дозор,
На Чатырдаг упал светильник мироздания,
Разбился, льет поток пурпурного сиянья
И гаснет. Путник в даль вперил тревожный взор.

На доли ночь сошла. Черны уступы гор.
Все дремлет. В синей мгле слышней ручья дыханье.
И, словно музыка, цветов благоуханье
С душой таинственный заводит разговор.

Я сплю под крыльями безмолвия ночного.
Вдруг метеор блеснул и, светом пробужден.
Я вижу в зареве и лес, и небосклон.

Ночь! Одалиска-ночь! Ты вновь ласкать готова.
Ты, негой усыпив, зовешь для неги снова
И взором огненным желанный гонишь сон.

АЮДАГ

Мне любо, Аюдаг, следить с твоих камней,
Как черный вал идет, клубясь и нарастая,
Обрушится, вскипит и, серебром блистая,
Рассыплет крупный дождь из радужных огней.

Как набежит второй, хлестнет еще сильнее,
И волны от него, как рыб огромных стая,
Захватят мель и вновь откатятся до края,
Оставив гальку, перл или коралл на ней.

Не так ли, юный бард, любовь грозой летучей
Ворвется в грудь твою, закроет небо тучей,
Но лиру ты берешь — и вновь лазурь светла.

Не омрачив твой дух, гроза отбушевала,
И только песни нам останутся от шквала —
Венец бессмертия для твоего чела.

СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА

Перевод с польского Семена Кирсанова

Ночевала зеленая рота
У избы лесника на опушке.
Часовые стояли в воротах,
Умирал их полковник в избушке.
Шли крестьяне толпой из поместий:
Был он славным начальником, значит,
Если люди простые так плачут
И о жизни его ловят вести.

Приказал он коня боевого
Оседлать, привести к нему в хату.
Хочет он повидать его снова —
Послужившего в битвах солдату.
Приказал принести ему пояс,
И тесак, и мундир ему нужен.
Старый воин, он хочет, покоясь,
Как Чарнецкий, проститься с оружием.

Когда вывели лошадь из хаты,
Ксендз вошел туда с именем бога.
Поблуднели от горя солдаты,
Люд молился, склонясь у порога.
И солдаты Костюшки, что в битве
Много пролили вражеской крови
И своей, но не слез, — морща брови
Повторяли за ксендзом молитвы.

Поутру зазвонили в часовне.
У избы не стоят часовые.
Уже недруги здесь появились.
Шел народ к той избе, где полковник
Вечным сном успокоился в мире.
Но у воина в строгом мундире
В головах его нож и седёлка,
А в ногах старый плащ и двустволка.

Облик нежный — ему бы косынка!
Грудь девичья... Ах, это литвинка,
Это девушка в воинском платье —
Вождь повстанцев — Эмилия Платер!